

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 10.02.19)

Научная статья

УДК 81.373

doi: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-72-78

СЕМИОЗИС ТОПОНИМИКИ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

© *Анна Владимировна Кузнецова¹, Ирина Анатольевна Петрулевич²*

Южный федеральный университет. г. Ростов-на-Дону, Россия

¹avkuznetsova@sfedu.ru; ²iapetrulevich@sfedu.ru

Аннотация. Рассматривается лингвистическая и социокультурная специфика семиозиса топонимики и выявляется ее корреляция с городской идентичностью. Все топонимы, способные к созданию символического образа, аккумулируют историческое, географическое и культурное содержание. Городская идентичность как понимание уникальности территории и городского сообщества включает в качестве необходимой своей части и городскую топонимику. В процессе исследования установлено, что идентификация личности не только с городским окружением, но и с городским пространством обеспечивает в координатах городской идентичности эмоциональную и когнитивную связь горожанина с топосом и локусом, а не только с собственным социальным окружением. Город изучается как система культурных кодов и символических образов, фиксируемых как языковой системой, так и культурным семиозисом, что обуславливает осознание личностью уникальности культурных кодов и смыслов города.

Ключевые слова: семиозис, топонимика, урбанонимическое пространство, городская идентичность, культурный код.

Для цитирования: Кузнецова А.В., Петрулевич И.А. Семиозис топонимики в пространстве городской идентичности // Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 89. № 6. С. 72-78. doi: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-72-78

PHILOLOGY

(specialty: 10.02.19)

Original article

Semiosis of toponymics in the space of urban identity

© *Anna V. Kuznetsova¹, Irina A. Petrulevich²*

Southern federal university. Rostov-on-Don, Russian Federation

¹avkuznetsova@sfedu.ru; ²iapetrulevich@sfedu.ru

Abstract. It is considered the linguistic and sociocultural specificity of the semiosis of toponymy and the identification of its correlations with urban identity. All toponyms capable of creating a symbolic image accumulate historical, geographical and cultural content. Urban identity as an understanding of the uniqueness of a territory and an urban community includes urban toponymy as a necessary part. In the course of the study, it was found that identification of a person not only with the urban environment, but also with the urban space provides, in the coordinates of urban identity, the emotional and cognitive connection of the city dweller with the topos and locus, and not only with his own social environment. The city is studied as a system of cultural codes and symbolic images, fixed by both the linguistic system and cultural semiosis, which determines the individual's awareness of the uniqueness of the cultural codes and meanings of the city.

Key words: semiosis, toponymy, urbanonymic space, urban identity, cultural code.

For citation: Anna V. Kuznetsova, Irina A. Petrulevich Semiosis of toponymics in the space of urban identity. *The Humanities and Social Sciences*. 2021. Vol. 89. No 6. P. 72-78. doi: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-72-78

Введение

Изучение дискурса городской идентичности не теряет своей актуальности, что, разумеется, определяется самим существованием и активным влиянием городской реальности на современный социум, которая «...неотделима от осознания и переживания городской среды

и не существует вне процесса отношения к ней» [6, с. 34]. Представители разных гуманитарных сфер обращаются также к изучению семиотики городского пространства, и этот ракурс имеет не только теоретическую значимость, но и практическое применение [5; 6; 7].

Город изучается как одна из определяющих констант европейской культуры [7, с. 677], характеризующейся признаком транслируемости [3, с. 32]. Транслируемость рассматривается как способность конструкта быть адекватно понимаемым в различных культурах, а также в семиотическом пространстве различных политических сил внутри одного сообщества. Языковая картина мира фиксирует понимание города как структурированного многоуровневого пространства в виде дискурса, когда человек наполняет это пространство личностными смыслами и значениями, что обеспечивает не только антропоцентричность, и лингвокультурную специфику феномена города и городской идентичности. Продуцирование новых форм дискурса города детерминировано институциональными и материальными факторами урбанизма, что в целом связано также и с разнообразием городского населения.

Новые культурные формы, создаваемые городом, закономерно оказывают влияние и на его «полилингвальность» не в плане наличия различия языков, но в плане принадлежности городского населения к различным социальным группам: «Одним из самых существенных семиотических особенностей большого города, по-видимому, с самого начала его истории является многоязычие или в более общем смысле наличие нескольких одновременно используемых семиотических систем» [2, с. 173]. Методика исследования образует целостный комплекс методов, применяемых к топонимам в координатах установления городской идентичности: приоритетны метод наблюдения и моделирования, метод когнитивно-семантического анализа, лингвистическая интерпретация.

Обсуждение

Национальный язык в его литературной и диалектных формах предстает в пространстве города в аккумулятивном виде, т.к. разные культуры, присущие социальным группам, продуцируют особую семиотику. Эта семиотика наиболее репрезентативна в наименованиях районов, переулков, улиц, бульваров, площадей, т.е. в городской топонимике как сложно структурированной сфере номинаций, отражающей историю конкретного города, а также представления жителей и городских властей о статусе и престижности городского пространства. С таким ракурсом понимания топонимике связаны и ожидания от туристической привлекательности того или иного города, что, в свою очередь, определяет исследовательский интерес специалистов гуманитарного знания к продуцированию и воссозданию топонимов как наименований городских локусов.

Городская топонимика демонстрирует определенную амбивалентность: с одной стороны, она призвана сохранять память об истории города, с другой, способна отражать тенденцию к смене наименований на наиболее запоминающиеся и престижные. Безусловно, процесс номинации и реноминации улиц, переулков, площадей и пр. представляет собой не только лингвистический, но и социокультурный феномен, позволяющий утверждать, что семиозис топонимике – один из важнейших факторов сохранения и развития культуры в целом. Система означающих (названия улиц, площадей, бульваров и пр.) и система означаемых (имена исторических деятелей, наименования исторических событий, особенности географического ландшафта и пр.) образуют городскую топонимику, весьма разнообразную по своему составу, который постоянно пополняется новыми урбанистическими номинациями.

Топонимика трактуется как совокупность классов топонимов, различающихся по критерию источника процесса номинации, однако все топонимы в случае корректного продуцирования ими символического образа отражают историческое, географическое и культурное наполнение, что, в свою очередь, свидетельствует об особом семиотическом статусе топонимике в координатах городской идентичности.

Все классы топонимов представлены в урбанонимическом пространстве г. Ростова-на-Дону. Так, *географические топонимы* дифференцируются по критерию масштаба (мир, страна, город, район), поэтому способны манифестировать локальный образ больше-

го или меньшего масштаба, например, улица Казахская, улица Вятская, Российская улица. *Антропотопонимы* представляют собой наименования географических объектов, основу продуцирования которых составляет личное имя. Такие топонимы могут в своем создании опираться на образ конкретного человека, который закономерно связан с его именем, а также на название группы, организации, объединения и пр.: проспект Ленина, улица Розы Люксембург, улица Руставели, улица Панфиловцев, улица 1-й Конной Армии. *Объектные топонимы* представляют собой результат номинации по прилежащим объектам, что для Ростова-на-Дону оказывается также весьма продуктивным классом топонимов, например, проспект Сельмаш (проходит по прилегающей к ООО КЗ «Ростсельмаш» территории, включая вокзал «Сельмаш»), Соборная площадь (находится возле Кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы), Соборный переулок (ведет к Соборной площади), улица Западный Разъезд. *Трудовые топонимы* именуют улицы в соответствии с профессиями, и таких в г. Ростове-на-Дону сравнительно немного, например: улица Механизаторов, Машиностроительный переулок, улица Металлургическая, Рационализаторский переулок). Важное место в городской топонимике занимают также *топографические топонимы*, семиотическую основу которых составляет описание местности, например: Богатыновский спуск (получивший свое наименование от урочища Богатый колодезь (Богатый источник), от которого ведет свое начало поселение, давшее начало городу, ведущий от центральной улицы г. Ростова-на-Дону Большой Садовой вниз к реке Дон), переулок Западный Карьер, Театральный спуск (территория неподалеку от Театральной площади, на которой расположено здание Драматического театра им. М. Горького, к реке Дон). *Поэтические топонимы* характеризуются отсутствием привязки к конкретному образу, однако отражающие эстетическую направленность семиозиса и ориентированные на намеренную благозвучность, например: Благодатная улица, Черешневая улица, Звездная улица, Малахитовая улица. В урбанонимическом пространстве г. Ростова-на-Дону представлены также *топонимы – события*, источником которых является образ некоего конкретного либо циклично повторяющегося события, например, парк им. Октябрьской революции, улица Обороны (одна из старейших улиц города, бывшая Рождественская), улица 7-го февраля (названа в память о взрыве 7 февраля 1930 года на Крупозаводе (бывшей 1-й Госмельнице)).

Семиозис топографических топонимов осуществляется на основании выявления наиболее характерной черты конкретной местности (рельеф, акватория, культовый объект и пр.). Практически всегда такой семиозис имеет первичный характер, что обеспечивает отсутствие идеологического компонента в значении топонима. Казалось бы, такие топонимы в наименьшей степени должны подвергаться риску реноминации, однако, напротив, именно они чаще всего и переименовываются в процессе развития городского пространства. Урбанонимы, представленные в городском пространстве г. Ростова-на-Дону, демонстрируют общие тенденции, которые, тем не менее, имеют и региональную специфику. Так, улицы в историческом районе Нахичевани, сейчас – части Пролетарского района г. Ростова-на-Дону (ранее – отдельном городе Нор-Нахичеван, основанном армянами – выходцами с Крымского полуострова по указу императрицы Екатерины II в 1779 году и расположенном в близком соседстве с г. Ростовом-на-Дону также на правом берегу реки Дон) традиционно называются линиями – четными, идущими на север от главной улицы Нахичевани Советской (ранее – 1-й Соборной), и нечетными, направленными на юг, к реке Дон: 1-я линия, 2-я линия и так далее до последней четной – 40-й и последней нечетной – 49-й. Отсчет линий начинается от нулевой – направленной на север Верхненольной и ее продолжением на юг после пересечения улицы Советской – Нижненольной.

Топонимы зачастую привлекаются для идеологизации городского пространства, чему способствуют, например, такие, которые образованы в память о конкретных исторических личностях, государственных лидерах разных эпох и пр. Это топонимы, находящиеся в зоне наибольшего риска в плане переименования ввиду смены идеологических парадигм и политической ориентации. Таковы в урбанонимическом пространстве г. Росто-

ва-на-Дону улица Фридриха Энгельса, которой в 1990-х годах было возвращено историческое название Большая Садовая; переулок Подбельского (в честь первого наркома почт и телеграфа В.Н. Подбельского), которому также в 1990-е было возвращено историческое наименование Соборный.

Интересно, что переулок Халтуринский (названный в честь С.Н. Халтурина (1857–1882), революционера-террориста, осуществившего в 1880 году одно из неудавшихся покушений на Александра II и впоследствии избранного членом исполкома организации «Народная воля») или проспект Ленина, площадь Ленина сохранили свои названия. И если в случае с проспектом и площадью Ленина это вполне понятно, потому что эти объекты возникли только в советское время, а до 1920-х годов, когда началась застройка за Безымянной балкой, северной границей Ростова-на-Дону, здесь была свободная территория, то переулок Халтуринский до 19 октября 1924 года имел название Никольский.

Необходимо подчеркнуть, что и такие наименования, как Соборный, относящиеся к объектным топонимам, как мы указывали выше, могут подвергаться реноминации: изначально этот переулок назывался Донским спуском, т.к. по нему от базара был прямой выход к реке Дон, но после возведения Кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы (по проекту архитектора К.А. Тона в 1860-м году) он стал Соборным.

Наиболее «безопасными» в плане изменения названия, а значит, сохраняющими направление семиотического процесса являются объекты городского пространства, названные именами поэтов, писателей, художников, которые не связаны с политикой или религией, например: улица Пушкинская, улица Лермонтовская, улица Станиславского, улица Максима Горького. Разумеется, к таким наименованиям относятся и улицы, названные в честь героев Великой Отечественной войны – улицы Оганова, Малюгиной, Текучева.

Названные в честь событий разных масштабов топонимы приобретают популярность в советское время, и поэтому практически все они связаны с историей СССР либо с событиями, имеющими отношение к становлению революционно-демократической идеологии. В Ростове-на-Дону таких названий очень много, например, улица 8 марта, парк имени 1-го мая, номинации которых связаны с праздниками, идеологический фундамент которых напрямую обусловлен их происхождением: 8-е марта, предложенное Кларой Цеткин как дата празднования Международного женского дня Клары Цеткин на Второй Международной конференции социалисток, прошедшей в Копенгагене в 1910-м году (до 1914 года праздновался в разных странах в различные дни марта, с 1914 года была принята именно эта дата); 1-е мая, возникший в рабочем движении XIX в. в связи с требованием восьмичасового рабочего дня и впервые отмеченный в Российской империи манифестациями 1-го мая 1890 года в Варшаве (сейчас, в соответствии с официальной идеологией РФ, именующийся Праздником Весны и Труда). Интересен в этом отношении и топоним – улица Сакко и Ванцетти, названная в память о деле Сакко и Ванцетти (Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти, рабочие-анархисты, выходцы из Италии, жившие в Италии и обвиненные в трех убийствах, казненные на электрическом стуле в 1927 году). По всей видимости, топоним сохраняется не в память о советской идеологии, а по причине закреплённости в общественном сознании идеи несправедного суда над ними и невиновности казненных.

Семиозис топонимики образует стойкие коррелятивные связи с парадигмой городской идентичности. При том, что топоним возникает при осуществлении контроля местных властей, а их официальной фиксацией в необходимых документах занимается государство, естественное сохранение в памяти поколений происходит не «сверху», а «снизу», в соответствии с формированием определенного образа в сознании горожан, обусловленного культурно-исторической и/или географической спецификой местности и национальной картины мира. В случае с Ростовом-на-Дону необходимо учитывать и то многоуровневое поликультурное пространство города, которое всегда, со времени его основания, существовало на этой территории. Оно еще более усложнилось в своей структуре после объединения в 1928 году в своих границах двух самостоятельных городов – Ростова-на-Дону и Нахичевани-на-Дону (Нор-На-

хичевана), при этом городская идентичность жителей Нахичевани не подверглась негативной трансформации: первый год после объединения эта часть теперь уже Ростова-на-Дону носила название Нахичеванского района, уже в 1929 году он был переименован в Пролетарский район. И хотя этот район города так и именуется по сей день, все коренные жители не только этой части города, но и вообще ростовчане знают, что, минуя Театральную площадь в восточном направлении, они попадают на историческую территорию Нахичевани. Интересно, что до сих пор в обыденном дискурсе горожан сохранилось и устойчивое разделение территории Нахичевани на ближнюю и дальнюю: первая – до Нахичеванского базара (20-я линия), вторая же начинается сразу за ним и простирается до 40-й и 49-й линий соответственно.

Городская топонимика, наряду с другими культурно и мифологически значимыми объектами, включена в процесс семиозиса, результатом которого становится городской текст и городской миф. Ранее мы подчеркивали, что «основу процесса семиозиса городского текста составляет символизация, а символ связывает разные уровни семиозиса, выполняя медиаторную функцию. Символ также репрезентирует разноуровневые связи семиотической и вне-семиотической реальностей. Символ транслирует синхронические текстовые смыслы, одновременно фиксируя их в кодах культуры, осуществляя возможности культурной памяти, соединяя поколения и передавая духовный и материальный опыт» [4, с. 90]. Говоря о комплексе символов, которые репрезентированы в городском тексте не только вербально, но и визуально, нельзя не упомянуть об одном важном элементе городского пространства – об аншлагах, которые закономерно участвуют в процессе семиозиса. Аншлагом (от нем. *Anschlag*, одно из значений – объявление) называют табличку на здании с указанием названия улицы, номера дома и т.п., эта табличка не только является компонентом эстетического оформления фасада здания, но и формирует целостное представление о городском пространстве, зачастую сохраняя и культурную память в своем оформлении. Иногда городские власти сохраняют старинные аншлаги именно с такой целью, подкрепляя, тем самым и формирование городской идентичности.

Городская идентичность в нашем понимании характеризуется модальностью, т.к. она «отражает характеристики привязанности к месту, соответствие особенностям воображаемого городского сообщества («своей» группы) и другие характеристики, иллюстрирующие знак идентификации с городом и городским сообществом» [1, с. 81]. В этой связи необходимо подчеркнуть, что городская топонимика закономерно включена в осознание городской идентичности как уникальности территории и самого городского сообщества. Так, наименование улиц и проспектов в г. Ростове-на-Дону традиционно имеет суффикс -ск-: улица Пушкинская, проспект Буденновский, проспект Ворошиловский, хотя есть в этом случае и исключения: никому из ростовчан не придет в голову называть улицу Чехова Чеховской. Вслед за I. Kaumaz [8] обратим внимание и на специфику городской идентичности, проявляющуюся в комплексе признаков:

- принцип сравнения в отношении места жительства в конкретном городе и возможного другого;
- культурные смыслы и коды, а также опыт конкретного горожанина как языковой и коммуникативной личности в координатах привязанности к месту жительства;
- хронологическая динамика городской идентичности, ее трансформация в процессе обретения новых смыслов;
- взаимодействие в социокультурном коллективе в качестве опыта реализации представлений о принадлежности к городскому сообществу.

В ракурсе нашего исследования особое значение приобретает не только идентификация с городским сообществом, но и с городским пространством, а городская идентичность подразумевает эмоциональную и когнитивную связь с топосом и локусом, а не только с социальным окружением индивида.

Семиозис городской топонимики обнаруживает связи не только с непосредственным восприятием архитектоники города, организации физического пространства (архитектур-

ные виды), но и с образами-идеями, образами-воспоминаниями, образами-символами. Онтологический статус городского пространства получает актуализацию в коммуникации, в консервации культурно значимой информации и возобновляемой передаче и генерировании новой информации, способствующей сохранению культурных смыслов. Значение топонимики в этом процессе сложно переоценить: вполне ожидаемо услышать от собеседника наименование места, где он родился, вырос, где живет сейчас, это не только пространственный ориентир, это непротиворечивый маркер принадлежности коммуниканта к определенному городскому сообществу, это слово родного языка и маркер многоуровневых связей настоящего и прошлого.

Выводы

Городская топонимика как совокупность значений, образующая урбанонимическое пространство, характеризуется специфичным семиозисом топонимики в тесном взаимодействии с городской идентичностью. Любой город – это система культурных кодов и символических образов, которые закреплены не только в языковой системе, но и в знаковых системах культуры, что в целом обеспечивает уникальность городского пространства и, как следствие, оказывает влияние на осознание личностью принадлежности к ним. Физическое и текстовое наполнение городского пространства в их взаимодействии организуют целостный гармоничный образ города. Устойчивые семиотические связи топонимики и городской идентичности обнаруживаются в естественном сохранении в памяти поколений не только наименования конкретного городского объекта, но и того символического образа, который детерминирован культурно-исторической и/или географической спецификой местности и национальной картиной мира.

Процесс номинации и реноминации объектов городского пространства – лингвистический и социокультурный феномен, функционирование которого определяет статус топонимики как одного из важнейших факторов сохранения и развития культуры в целом. В урбанонимическом пространстве г. Ростова-на-Дону представлены все классы топонимов (географические, антропотопонимы, объектные, трудовые, топографические, поэтические, топонимы-события), что свидетельствует в целом об активном процессе семиозиса топонимики и его влиянии на продуцирование городского текста и городского мифа, а также на формирование и функционирование городской идентичности.

Семиозис городской топонимики развивается под влиянием непосредственного восприятия индивидом или социумом архитектоники города как организации его физического пространства, а также в тесном взаимодействии с образами-идеями, образами-воспоминаниями, образами-символами. Онтологический статус городского пространства актуализирован в социальной коммуникации, а топонимика, способствуя сохранению культурных смыслов, приобретает особое значения, обеспечивая личности и социокультурному коллективу свидетельство собственного присутствия в мире.

Список источников

1. *Евсеевкова Е.О.* Модальность городской идентичности // Вестник Пермского научного центра. 2014. № 5. С. 80–86.
2. *Иванов В.В.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4. Знаковые системы культуры, искусства и науки. М.: Языки славянской культуры, 2007. 792 с.
3. *Карасик В.И., Прохвачева О.Г.* Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
4. *Кузнецова А.В., Петрулевич И.А.* Городской текст: семиозис культурного кода // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 11. С. 89–95.
5. *Лихачев Д.С.* Земля родная. М.: Наука, 1989. 132 с.
6. *Пирогов С.В.* Город как феномен культуры: когнитивный подход // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 31–38.

7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
8. Kaymaz I. Urban Landscapes and Identity. URL: // <http://dx.doi.org/10.5772/55754> (дата обращения 29.10.2021).

References

1. Evseenkova E.O. Modality of urban identity // Bulletin of the Perm Scientific Center. 2014. No. 5. P. 80-86.
2. Ivanov V.V. Selected works on semiotics and cultural history. Vol. 4. Sign systems of culture, art and science. M.: Languages of Slavic culture, 2007. 792 p.
3. Karasik V.I., Prokhvacheva O.G. A different mentality. M.: Gnosis, 2005. 352 p.
4. Kuznetsova A.V., Petrulevich I.A. Urban text: semiosis of the cultural code // Socio-humanitarian knowledge. 2019.No. 11.P. 89–95.
5. Likhachev D.S. Native land. Moscow: Nauka, 1989. 132 p.
6. Pirogov S.V. The city as a cultural phenomenon: a cognitive approach // Bulletin of the Tomsk State University. Culturology and art history. 2011. No. 2. P. 31–38.
7. Stepanov Yu.S. Constants: Dictionary of Russian Culture. 3rd ed. Moscow, 2004. 992 p.
8. Kaymaz I. Urban Landscapes and Identity. URL: // <http://dx.doi.org/10.5772/55754> (accessed 29.10.2021).

Статья поступила в редакцию 05.11.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 25.11.2021.

The article was submitted 05.11.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 25.11.2021.